

Егор Холмогоров

ВВЕЛИЧИИ столыпинского гения трудно сомневаться. Он принял Россию, которая была подобна продырявленному неприятелем кораблю, да еще и с бунтующей командой, палящей из захваченных винтовок и орудий по капитанской рубке. Его предательски убили тогда, когда страна обрела — за пять-то лет! — внутренний покой, мощь, уверенность в себе, вернулась в концерт великих держав.

Долгие десятилетия советская власть сравнивала собственные достижения с вожденным «1913 годом» как точкой отсчета. Но не будем забывать, что 1913-й был прямым продолжением 1909-го, 1910-го, 1911-го... Из тонущего, мятежного, морально устаревшего броненосца империя превратилась в современный боевой дредноут, наподобие тех, чье строительство премьер отстаивал в своих страстных речах, произнесенных в защиту большого флота.

Возможно, очень многие — и внутри, и во вне — несколько переоценили силы после-

столыпинской России, что как раз и лишило ее столь желанного Петром Аркадьевичем мирного двадцатилетия, ввергло в гибельную пучину новой войны, которой тот, несомненно, попытался бы избежать. Хотя и в этой мировой бойне держава показала себя несравненно достойнее, крепче, нежели в русско-японских баталиях.

Страна при Столыпине динамично развивалась, и премьер был убежден в ее великих резервах и славном будущем. Сколько бы ни честили его «реакционером», он лишь приговаривал: на легком тормозе и все время вперед. Верил в просвещение, прогресс, законность и право, неизменно подчеркивал — любые жесткие и чрезвычайные меры нужны лишь для того, чтобы поскорее водворить порядок, без коего невозможно развитие. «Реакция» же была тождественна грамотной работе национального иммунитета, отторгающего бациллы революционной чумы.

«В России поднялась волна реакции, реакция русского патриотизма и русского нацио-

П. Столыпин при представлении Николаю II крестьянских депутатов от Юго-Западного края. Киев, 1911